

Т. Б. Щепанская

К ДИНАМИКЕ ПОСТАГРАРНОСТИ: РЕСАЙКЛИНГ СЕЛЬСКОЙ ЗВЕРОФЕРМЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИИ

Резюме

На материалах полевых этнографических исследований (май 2009 г.) на территории Михайловского сельского поселения Олонецкого района Республики Карелии рассматриваются некоторые аспекты динамики постаграрного развития современного российского села. В центре внимания — case study: изменения в материальной культуре после закрытия зверосовхоза (предприятия по разведению лисиц, песцов и норок) в постсоветский период. Переход в общественное и личное пользование материалов закрывшегося предприятия параллельно с процессом рерурализации (актуализации традиционных практик рыболовства и домашнего животноводства) привел к восприятию этих материалов (в частности, запасов металлической сетки, ранее использовавшейся для клеток животных) как новой среды — источника ресурсов для традиционных сельских сфер деятельности. Мы фиксируем вовлечение этих ресурсов в сферы рыболовства, животноводства, домашнего хозяйства, а также структурирования (сооружение оград) и благоустройства (уборка территории) общественных пространств. В результате материалы со зверофермы оказывают влияние на формирование специфической визуальной среды, которая превращается в материальное воплощение коллективной памяти о временах «совхоза-миллионера». Другое направление реконструкции руральности, связанное с актуализацией этнической идентичности карел-людиков и развитием сельского и этнотуризма, сформировало запрос на предметы материальной культуры, сделанные из традиционных материалов. Эти вещи вовлекаются не в повседневный хозяйственный оборот, а в практики демонстрации как маркеры этно- и локальной идентичности.

Ключевые слова: село, карелы-людики, руральность, постаграрность, динамика, посттрадиционализм, этномаркеры, вторичное использование отходов, ресайклинг

Tatiana B. Shchepanskaia

ON THE DYNAMICS OF POST-AGRARIAN DEVELOPMENT: THE RECYCLING OF A RURAL FUR FARM IN THE REPUBLIC OF KARELIA

Abstract

The article considers some aspects of post-agrarian development of the modern Russian village. The research is based on materials from the field ethnographic study of the territory of the Mikhailovsky rural settlement in the Olonetsky District of the Republic of Karelia, which was performed in May 2009. The research focuses on one case study: changes in material culture after the closure of a local fur farm (*Zverosovkhoz*) in the post-Soviet period. The transition from the use of equipment in a closed enterprise to its public and personal use, along with the renewal of a traditional rural way of life (traditional fishing and subsistence livestock production practices), led to the perception of this equipment (in particular, the reserves of metal wire mesh that was previously used in making animal cages) as a new environment - a source of materials for traditional rural activities. We record the use of these resources in fishing, livestock production, housekeeping, as well as in structuring (partitioning with fences) and improvement (cleaning) of public spaces. As a result, the equipment from the fur farm influences the emergence of a specific visual environment, which turns into a material embodiment of the collective memory of the times of the "state farm millionaire" (*sovkhoz-millioner*). Another direction of the renewal of traditional rural ways of life is associated with the actualization of the ethnic identity of the Ludian Karelians and the development of rural and ethnic tourism. These processes have formed a request for objects of material culture that are made of traditional materials. These things are not involved in everyday economic activity but meant to be demonstrated as markers of ethnic and local identity.

Keywords: village, Ludian Karelians, rurality, post-agrarity, dynamics, post-traditionalism, ethnic markers, recycling

DOI 10.31860/2712-7591-2021-2-108-124

Размышления о вещественных маркерах постаграрного направления развития села, изложенные в этой статье, автор предлагает в развитие исследований материальной культуры населения Карелии, предпринятых в работах К. К. Логинова. Материальную культуру, ее изменения, связанные с изменениями среды — как материальной, так и социальной, в которую она погружена, — я рассматриваю в терминах постаграрности: как элемент и маркер ее динамики, с акцентом на поздне- и постсоветский период. Эмпирической основой стало исследование одного случая — закрытия зверофермы в с. Михайловском Олонецкого района Республики Карелии, а точнее — динамики процессов в сфере материальной культуры после

этого события. Автор статьи совместно с Е. В. Самойловой (ФЭЦ СПб ГК) посетили с. Михайловское и д. Палनावолок, в которых проживают карелы-людики (*lyydiköt*), в начале мая 2009 г., чтобы наблюдать празднование дня св. Георгия Победоносца, в честь которого освящена недавно построенная церковь. Основную часть исходных данных составляют материалы визуального обследования, зафиксированные на фотографиях. Ключом к их пониманию послужили интервью с жительницами с. Михайловского — четырьмя женщинами 1920—1960-х годов рождения. Три из них относятся по происхождению к карелам-людикам, одна — работник культуры, знающая их язык, на протяжении нескольких десятков лет поддерживающая тесные связи с местными жителями, организуя праздники, фольклорные выступления, другие мероприятия, репрезентирующие этнокультурную идентичность разных групп населения.

Постаграрность — понятие, описывающее, на мой взгляд, значимые особенности современного российского села, — я рассматриваю не столько как состояние, сколько как процесс, понимаемый как, с одной стороны, уход от доминирования аграрной базы в системе жизнеобеспечения, а с другой — как сохранение связи с ней (аграрной основой) и даже в некоторых случаях возобновление этой связи или ее переопределение.

В качестве проявления постаграрного характера развития современного российского села можно указать, прежде всего, смещение структуры повседневной деятельности, занятости и доходов жителей современного российского села от преобладания сельского хозяйства к дифференциации. Значительную часть сельского населения составляют незанятые (пенсионеры, безработные, несовершеннолетние). Экономический анализ уже в конце первого десятилетия 2000-х гг. показал: «Не только сельское хозяйство перестает быть основным видом экономической деятельности в селе, но и вообще любая трудовая деятельность, помимо ЛПХ¹, становится маргинальным источником дохода для сельского населения. Перепись населения 2002 г. показала, что только 22,6 % сельских жителей получают доход от такой деятельности. Для 21 % населения источником дохода является ЛПХ, и в селе заметно большая, чем в городе, доля людей живет на социальные пособия различного рода» [Тихонова, Шик, с. 32]. Сворачивание сельскохозяйственных предприятий общественного производства в постсоветский период запустило как процессы образования частных сельскохозяйственных предприятий, так и переориентацию населения на неаграрные формы

---

¹ ЛПХ — личное подсобное хозяйство.

заработка, такие как сельский этнотуризм, сбор и реализация дикоросов, выездная занятость и др. Изменениям экономической базы села сопутствуют комплексные изменения образа жизни сельского населения: исследователи пишут о «сельской урбанизации» (см.: [Tan&Ding]).

Об актуальности инструментария исследования с. Михайловского с точки зрения выхода за рамки аграрной парадигмы руральности (о терминологии руральности и неоруральности см.: [Gulinc, Dortmans]) может говорить, например, участие местной интеллигенции в международном проекте (совместно со шведами) «Неаграрное развитие сельских территорий», о чем писала карельская пресса [Михайловское]. Под неаграрным понималась поддержка малого бизнеса и сельского туризма — в частности, помощь местным жителям в организации гостевых домов. С. Б. Потахин, предпринявший опыт историко-географического районирования Республики Карелии, отмечая развитие в целом в сельских районах Карелии неаграрной, в том числе туристическо-рекреационной, сферы, характеризует Ливвиковско-Людиковский историко-природно-хозяйственный район (в который вошло и с. Михайловское с окрестностями) как район с преобладанием сельскохозяйственной формы природопользования [Потахин]. В то же время, говоря об ареале расселения людиков, он отмечает, что «наличие мраморных месторождений (Тивдийского и Лижмозерского) выступило причиной появления у людиков горнопромышленного производства» [Потахин, с. 25], что означает выход за рамки аграрного развития уже на ранних этапах индустриального периода. Впрочем, и сельскохозяйственная деятельность у жителей этой местности (как и в целом в Карелии) не сводилась к земледельческо-животноводческому комплексу; исследователи отмечают важнейшую роль традиций рыболовства и лесного хозяйства, что сохраняет свою значимость и в настоящее время — с точки зрения перспектив развития современных форм биоэкономики [Суслова; Потахин; Щербак, с. 31]. Организация в конце 1950-х гг. предприятий, специализировавшихся на звероводстве, довольно естественно вписалась в эту систему.

Зверосовхоз как память, ресурс и среда

Во время поездки и осмотра сельского поселения я обратила внимание на множество предметов материальной культуры, изготовленных из металлической сетки. Они были разбросаны у домов, на берегах озер, мы наблюдали и их использование непосредственно во время рыбной ловли и уборки территории. «Сетки были в совхозе, из этих сеток они наплели *катисок* (ловушки для рыбы. — *Т. Щ.*)... и урны, — пояснила нам во время интервью работница Дома культуры, имевшая возможность наблюдать историю

предприятия в период его процветания и упадка. — Это остатки (зверосовхоза. — *Т. Щ.*): все ходят в песках, в норках», — дополнила она².

Зверосовхоз «Михайловский» ныне числится на картах (Wikimapia) как «заброшенный, неиспользуемый объект»³. Официальный сайт Михайловского сельского поселения информирует, что звероводческий совхоз «Михайловский» (разводили норок, песцов, лисиц) был создан на базе десяти колхозов 1 марта 1959 г.⁴ Он прекратил свое существование, по воспоминаниям жителей, в 1990-х гг.; в ноябре 1997 г. Государственное предприятие Зверосовхоз «Михайловский» выступил учредителем ОАО «Михайловское», которое было ликвидировано по решению суда 25.12.2003 г. [ОГРН онлайн]. В 2009 г. мы застали его уже как объект воспоминаний, постоянно актуализировавшихся в разговорах по поводу предметов — маркеров местной материальной среды. Исчезнувший зверосовхоз по-прежнему воспринимался нашими собеседниками как эту среду сформировавший.

Если представить его историю в терминах руральности, то на первом этапе в основном заметна динамика в направлении дерурализации. Был ли зверосовхоз «сельским» предприятием и если был, то в какой степени? Учрежденный вместе с другими совхозами Приказом Министерства сельского хозяйства РСФСР об образовании совхозов в КАССР, он работал на основании стандартных документов («промфинпланы, сметы, штатные расписания, бухгалтерские отчеты, отчеты о заболеваемости и падеже животных, о механизации в животноводстве, о выполнении плана капиталовложений, статистические отчеты по кадрам»), которые хранятся в Национальном архиве Республики Карелии (фонд Р-2737)⁵. Институты, генерировавшие эту документацию, носили внелокальный характер и располагались в городах, однако совхоз идентифицировался ими как форма организации сельского производства; это был сельский объект, сконструированный извне сельской местности.

Жители с. Михайловского, вспоминая совхоз, связывают с ним скорее преодоление, чем реализацию руральности. Рассказывают, что в период образования зверосовхоза сюда съехались жители разных деревень, совхоз по-

² Полевые материалы автора статьи по результатам поездки в с. Михайловское Олонечкого р-на Республики Карелии. Май 2009 г.

³ См.: <https://wikimapia.org/28016610/ru/Зверосовхоз>

⁴ См.: Нормативный правовой акт Совета Михайловского сельского поселения — Об утверждении официальных символов муниципального образования «Михайловское сельское поселение» Олонечкого национального муниципального района Республики Карелии, от 24.04.2013: http://adminmihailovskoe.ru/sovnet_deputatov_npa_act.php?id_position=18&id_npas=1&blok=sd&rAZdel=npa

⁵ См.: <https://alertino.com/ru/475697>

строил им жилье — вначале небольшие домики, позже — кирпичные дома с удобствами современного типа, было проведено электричество, построены дороги, большой современный Дом культуры. Постепенно звероферма стала доминирующим предприятием, оттягивая рабочую силу из других отраслей: «На звероферме работали все люди, которые трудоспособные, все. Я девять лет работала дояркой на животноводческой ферме, а потом пошла на звероферму», — рассказывает местная жительница (Ж, 1927 г. р.), возможно преувеличивая, но передавая сложившееся в здешней среде впечатление.

Вещественная среда как материализованная память

Вернемся к нашим фотоматериалам, фиксирующим особенности материальной культуры (визуально доступной вне жилищ) в 2009 г., через несколько лет после закрытия зверофермы⁶. Их анализ дает возможность представить, в какие сферы сельской повседневности распределились оставшиеся от нее ресурсы — предметы, а в большей степени — материалы, после прекращения существования предприятия оказавшиеся выброшенными. Некоторые из них все еще были представлены в окрестностях в виде мусорных куч. Фактически они сформировали новую материальную среду, самым маркированным элементом которой оказались нам металлические сетки, широко использовавшиеся в содержании животных. Именно они постепенно перешли в общественное пользование и распределились среди населения для вторичного использования. Ниже мы проанализируем, в каких сферах повседневности и хозяйства оказались востребованы эти вещи и материалы. Сразу заметим, что, основываясь на визуальных данных, мы не прослеживали происхождение каждого конкретного фрагмента металлического профиля или проволоочной сетки. Поэтому предположим, что только часть из них, как полагают наши информанты, является наследием закрывшейся зверофермы, а часть сделана из аналогичных материалов по тому же образцу. Визуально их не различить. Нам важно, что в общественном сознании они ассоциированы со зверофермой и тем самым воспринимаются как маркеры сформированной ее наследием материальной среды.

Далее остановимся на том, как эта среда представлена в разных сферах хозяйственной деятельности.

Рыболовство. Из металлической сетки делают орудия для рыбной ловли: саки (в виде мешка) и катиски (ловушки по типу верши, основанные на принципе входа рыбы в сужающийся проход и невозможности выйти из ловушки назад). Описывая катиски (*kat'isku*) у сямозерских карел,

---

⁶ Все фотографии в статье сделаны автором.

К. К. Логинов определяет их так: «рыбацкая ловушка, сваренная из железных прутьев» [Логинов, с. 180, примеч.]. В с. Михайловском и в д. Палнаволок катиски были сделаны из металлической сетки в виде прямоугольных емкостей с внутренними перегородками, образующими сужающийся проход (или два) для рыбы.

Емкости из металлической сетки

На фотографиях, сделанных в с. Михайловском и д. Палнаволок, видны изготовленные из фабричной металлической сетки конструкции, обычно лежащие на заднем дворе, около стен хозяйственных построек, рядом с другими металлическими приспособлениями или отходами. В основном конструкции из сетки прямоугольные, в виде мешков примерно 1–1,5 м в высоту и 0,7–1 м в ширину, либо, как вариант, — уплощенные, 1 × 1 м и высотой около 30–50 см. К ним может быть привязана веревка или проволока, за которую устройство можно тащить из воды. В одном случае внутри сетчатого куба лежит камень

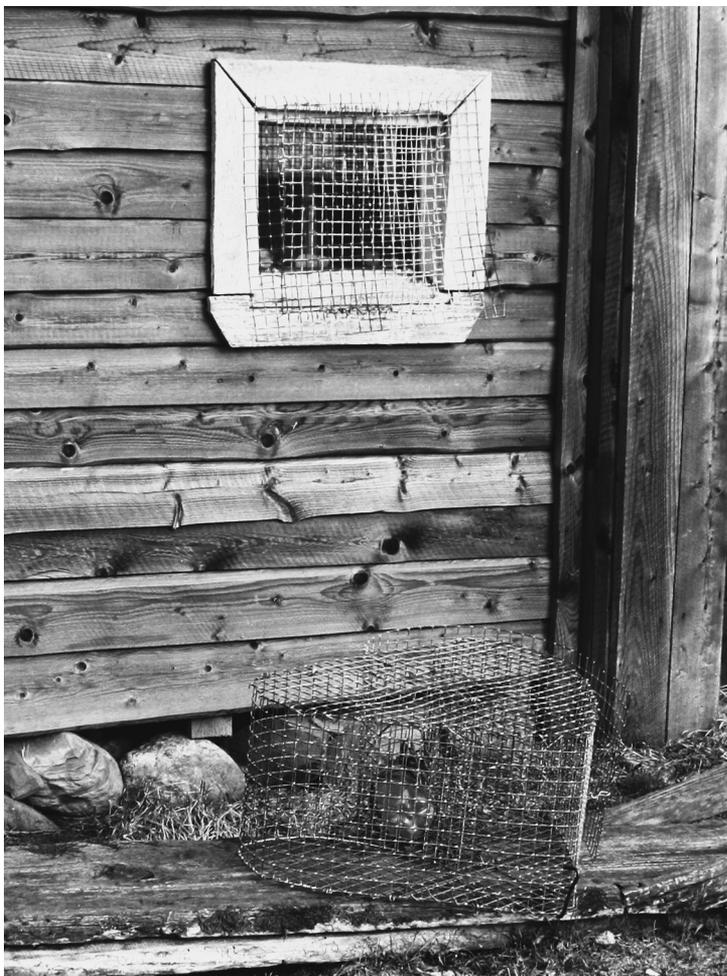

Снасти из металлической сетки в лодке рыбака

размером с человеческую голову и привязана пустая пластиковая бутылка (поплавок?). В д. Палнаволоок мы видели на озере лодку с сидящим в ней человеком; спереди и сзади от него в лодке лежали две прямоугольные конструкции.

Одна из ловушек из той же сетки, запечатленных в д. Палнаволоок, — сердцевидной формы, характерной для изготавливаемых в Финляндии. На сайте одного из финских производителей сказано, впрочем, что эта снасть — недавнее заимствование из рыбацкой традиционной культуры: «Первая WEKE-Катиска появилась в 1993 году. Veikko Nakala, профессиональный рыбак из Корпилахти, спроектировал и изготовил первую модель для использования в личных целях. В 1998 году началось изготовление катисок в промышленных масштабах»⁷. К. К. Логинов пишет, что это орудие лова было заимствовано карелами у финнов до войны, т. е. в первой половине XX в., но тогда оно было плетеным из прутьев [Логинов, с. 183]. В любом случае, мы видим, что изменился его материал, отчасти структура — но оно все еще идентифицируется как катиска. Отметим, что мелкую рыбу добывали для поставки на зверофермы, для чего в колхозы поставляли готовую снасть, в частности, катиски [Логинов, с. 183]. Осталось выяснить, как они

⁷ См.: <https://www.weke.fi/ru/рыболовные-ловушки-katiski>

Катиска сердцевидная. Д. Палнаволок

тогда выглядели, кем и из каких материалов производились и не тогда ли была заложена традиция использования для этого материалов, имевшихся на зверофермах?

Домашнее хозяйство. Конструкции из сетки используются и в домашнем хозяйстве. Так, на берегу озера стояла проволочная емкость для хранения и переноски шланга. Прямоугольные куски сетки зафиксированы на наших фотографиях и как часть конструкции телевизионной антенны, но чаще всего — как сетки на окнах и дверях, наряду или вместо остекления, сеткой забраны перегородки и дверцы внутри домашнего помещения для скота.

Благоустройство общественных территорий. Подобные вышеописанным большие прямоугольные конструкции из стандартной сетки использовались как емкости для мусора (мы видели их около Дома культуры и на берегу озера). Внутри них были видны пластиковые бутылки, банки из-под напитков, бумага и др. В двух случаях содержимое было со следами огня и сами сетки — в копоты (утилизация отходов?).

Урна из металлической сетки. С. Михайловское

На фотографиях запечатлен сам процесс их использования — не только для локализации и утилизации, но также для сбора и переноски отходов: человек с конструкцией из металлической сетки, в которую он собирает пластиковые бутылки и металлические банки; тот же человек поднимается на холм от колодца, волоча ту же емкость из металлической сетки, наполовину наполненную мусором.

Высота емкости — от земли выше пояса взрослого мужчины. Поскольку это происходило перед празднованием дня памяти св. Георгия, а сбор мусора происходил возле церкви св. Георгия Победоносца, можно предположить, что речь идет об общественной практике. Да и емкости из сетки для мусора мы фиксировали в основном в рамках общественных территорий.

Структурирование пространства. Подавляющее большинство фотографий с изделиями из сетки запечатлело их как элемент разного рода оград, отделяющих территории двора частной усадьбы от улиц или других обще-

ственных проходов. Популярны они и как перегородки внутри усадьбы. Все это вместе создает своеобразный визуальный эффект, привлекая внимание, а мой вопрос к местным жителям показал, что ими сетчатый дизайн воспринимается как стимул к актуализации воспоминаний о звероферме — материальный триггер коллективной памяти.

В сельской повседневности, судя по тем же фотографиям, используются и другие оставшиеся после закрытия совхоза материалы — металлические листы, трубы, металлопрофиль, бочки и др., — которые мы в изобилии встречали и в составе мусорных куч, и в виде хозяйственных приспособлений (тележек, перегородок, перемычек и перекладин, резервуаров), но мы ограничились конструкциями из сетки, поскольку их наши собеседники прямо идентифицировали со средой зверофермы, в то время как идентификация

Сбор мусора в урну из металлической сетки. С. Михайловское

других явно постиндустриальных материалов требует отдельного определения в каждом конкретном случае. Если учесть, что на памяти нынешних жителей зверосовхоз был здесь фактически монопредприятием, то их происхождение из того же источника вполне можно предположить.

Тем не менее и уже разобранные примеры с сеткой позволяют нам высказать некоторые соображения по основному для нас вопросу: динамике постаграрного процесса. Закрытие зверофермы привело к сворачиванию

Ограда из металлической сетки. С. Михайловское

наиболее заметных процессов дерурализации: население высказывается в том смысле, что теперь у муниципального образования не хватает средств на поддержание инфраструктуры (ремонт дорог и многоквартирных домов), которую мог себе позволить «совхоз-миллионер» (распространенный здесь речевой стереотип, маркирующий память о зверосовхозе). Подобные жалобы фиксирует и местная пресса, как и разговоры о том, что роскошный Дом культуры оставшимся без «градообразующего предприятия» жителям больше не по карману [Михайловское]. Местными дорогами нам пришлось воспользоваться: из с. Михайловского в с. Важины (длина маршрута 24 км) Лодейнопольского района мы добирались единственным доступным в то время транспортом — местным такси, которое представляло собою старенькие синие «жигули». Заказав его накануне отъезда, мы услышали от водителя, что ответить, поедет ли он завтра, он сможет утром, когда позвонит другому водителю и узнает, «есть ли дорога». Это было в 2009 г., сейчас положение улучшилось — на сайтах поиска билетов можно найти автобусный рейс Лодейное Поле — Олонец. Помогают также интернет-платформы, на которых можно найти попутную частную машину (я обнаружила в день написания статьи два рейса из Олонца на платформе «едем.рф»). Тем не менее можно констатировать, что после закрытия предприятия поселение в целом

на несколько лет вернулось в статус отдаленного и труднодоступного. Вместе с тем население обратилось к практикам жизнеобеспечения, укорененным в местной традиции, в первую очередь — озерному рыбному промыслу, сюда и перетекают оставшиеся после зверофермы ресурсы.

Реактуализация рурального образа жизни не привела в этом случае к возвращению всего комплекса традиций, например массовому возрождению плетения ловушек из прутьев, — но привела к переопределению материальной среды технического / индустриального происхождения, которая теперь воспринимается и используется как источник ресурсов для традиционных практик.

Второе значимое направление ресайклинга (или адрес распределения) остатков от зверофермы связано с функционированием общественных мест — использование в сфере благоустройства и структурирования пространства. Это достаточно заметно меняет их визуальный образ: можно говорить фактически о переопределении общего пространства поселения через наполнение его визуальными знаками памяти зверофермы. Следует предположить, что такое переопределение требует известной степени общественного согласия, а следовательно, согласования этой памяти с пониманием местной идентичности. Однако наши наблюдения, как представляется, в некоторой степени дают противоречащую этому информацию.

Реактуализация руральности (традиционного образа жизни и занятия рыболовством) после закрытия основного предприятия сопровождалась и развитием неаграрных новых форм занятости, в частности, участием сельских жителей в развитии инфраструктуры сельского туризма. Был открыт «Людиковский дом» (Lüüdikodi) — культурный центр карел-людиков и гостевой дом, развиваются контакты с активистами людиковского движения в Карелии и Финляндии — все это свидетельствует об актуализации этнокультурной идентичности [Родионова, Нагурная, Чикина]. Этот процесс наложил свой отпечаток и на материальную культуру. Присутствуя на культурном мероприятии в честь дня св. Георгия, где были представлены этнические песни, танцы и обрядность, мы обратили внимание, что в качестве атрибутов, репрезентирующих этничность, там были вещи из сугубо традиционных материалов (дерева, прутьев и т. п.), — проволочных сеток, так обильно представленных в общественном пространстве села, ожидаемо не было.

Этноидентичность репрезентировалась через символику доиндустриального села (вещественный неотрадиционализм), а не современной возвращенной руральности; именно такие (в основном вышедшие из повседневного оборота) репрезентаты встраиваются в структуру (неаграрной сферы) сельского туризма. Это направление неорурализации может иллю-

стрировать теоретическое представление руральности как «прошлого в настоящем», хорошо сформулированное американским исследователем Stacy Denton: «Руральность — это пространство, но ее также рассматривают как время... Подобно тому как сельский „космос“ считается застрявшим в прошлом, его воспринимаемая культура рассматривается как не имеющая отношения к современным формам послевоенного общества» [Denton, p. 124]. Это типологическое время, понимаемое автором через различение между

Атрибуты празднования дня памяти св. Георгия Победоносца. С. Михайловское

«настоящим» среднего класса и сельским, воспринимаемым как «прошлое-в-настоящем»⁸.

Различие репрезентаций постиндустриальной неоруральности свидетельствует о том, что ее материальные представления через атрибуты сельской повседневности, с одной стороны, и этнокультурной идентичности — с другой, разошлись и развиваются в разных направлениях. Обе репрезентации апеллируют к коллективной памяти, но если визуальный образ рерурализации представлен вещественными напоминаниями о временах экономического расцвета «совхоза-миллионера», то образы этнокультурной идентичности, вписанные не столько в повседневность, сколько в контекст туристических и культурных проектов, представлены вещами доиндустриальной эпохи.

Итак, наблюдения в с. Михайловском можно интерпретировать как свидетельство процесса, характеризующего постаграрное развитие села после дерурализации (или «сельской урбанизации») в индустриальный период, а именно процесса неорурализации, с восстановлением доиндустриальных традиционных форм жизнеобеспечения и формированием неаграрных форм (сельского и этнотуризма и т. п.), включенных во внелокальные — региональные и даже международные — экономические и культурные процессы. В области материальной культуры мы отметили динамику в двух направлениях, маркерами которых (применительно к данному локальному случаю) служат, с одной стороны, преобразование материальной среды на базе ре-сайклинга ресурсов, оставшихся по завершении индустриального периода, а с другой — неотрадиционализм: реактуализация (вовлечение в культурные и экономические практики) материальных атрибутов доиндустриального периода как этномаркеров.

Литература

Логинов — *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия // История и культура Сямозерья / Отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 153–246.

Михайловское — Михайловское: приют спокойствия, трудов и вдохновенья // Петрозаводск говорит: сетевое издание. 31.01.2015. URL: <https://ptzgovorit.ru/>

---

⁸ Цитата дана в сокращенном переводе автора настоящей статьи. Оригинальный текст: «Rurality is a space, but it is also seen as a time... Just as rural "space" is seen as stuck in the past, its perceived culture is seen as irrelevant to the modern forms comprising postwar society. This "typological time" and its inflection upon culture can be seen in the distinction between a middle-classed sub/urban "present" and a rural "past-in present," a distinction that underscores a dominant discourse on rurality in the postwar and that can be found in both scholarly studies in the social sciences and journalistic reportage».

- content/mikhailovskoe-priyut-spokoistviya-trudov-i-vdokhnoveniya (дата обращения 22.05.2021).
- ОГРН онлайн — ОГРН онлайн: сетевое издание. URL: https://ogrn.site/companies/5593886-oao_mikhailovskoe/
- Потахин — Потахин С. Б. Опыт историко-географического районирования Карелии (XIX — начало XX в.) // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152, № 4. С. 19–30.
- Родионова, Нагурная, Чикина — Родионова А. П., Нагурная С. В., Чикина Н. В. Людски: вопросы сохранения языка и культуры: Исследования и материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН. ИЯЛИ, 2017. 167, [2] с.
- Сулова — Сулова Е. Д. Озёрное и речное рыболовство в карельском приграничье во второй половине XVIII века (на примере водоемов реки Каменной) // Carelica: Научный электронный журнал. 2018. № 2 (20). [http://carelica.petrus.ru/CARELiCA/_2_2018_\(20\)/articles.html](http://carelica.petrus.ru/CARELiCA/_2_2018_(20)/articles.html)
- Тихонова, Шик — Тихонова Т., Шик О. Альтернативная занятость в сельской местности России. М.: Институт экономики переходного периода, 2008. 224 с. (Научные труды; № 114Р).
- Щербак — Щербак А. П. Концепция развития биоэкономики в северных регионах // Проблемы современной науки и образования. 2020. № 11 (156). С. 30–32.
- Denton — Denton, S. The Rural Past-in-Present and Postwar Sub/urban Progress // American Studies. 2014. Vol. 53, No. 2. P. 119–140.
- Gulinc, Dortmans — Gulinc, H. and Dortmans, C. Neo-Rurality: The Benelux as a Workshop for New Ideas about Threatened Rural Areas // Built Environment. 1997. Vol. 23, No. 1: Vanishing Borders: The Second Benelux Structural Outline. P. 37–46.
- Tan&Ding — Tan, Chee-Beng, Ding, Yuling. Rural Urbanization and Urban Transformation in Quanzhou, Fujian // Anthropologica. 2008. Vol. 50, No. 2. P. 215–227.

References

- Denton, S. (2014). 'The Rural Past-in-Present and Postwar Sub/urban Progress', *American Studies*, 53, 2, 119–140.
- Gulinc, H., Dortmans, C. (1997). 'Neo-Rurality: The Benelux as a Workshop for New Ideas about Threatened Rural Areas', *Built Environment*. Vol. 23, No. 1: Vanishing Borders: The Second Benelux Structural Outline, 37–46.
- Loginov, K. K. (2008). 'Material'naya kul'tura i proizvodstvenno-bytovaya magiya', in: V. P. Orfinskii, ed. *Istoriya i kul'tura Syamozer'ia*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 153–246.
- 'Mikhailovskoe: priyut spokoistviya, trudov i vdokhnoven'ya', in: *Petrozavodsk govorit*. URL: <https://ptzgovorit.ru/content/mikhailovskoe-priyut-spokoistviya-trudov-i-vdokhnoveniya>
- OGRN online. URL: https://ogrn.site/companies/5593886-oao_mikhailovskoe/
- Potakhin, S. B. (2020). 'Opyt istoriko-geograficheskogo raionirovaniya Karelii (XIX — nachalo XX veka)', *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Vol. 152, 4, 19–30.
- Rodionova, A. P., Nagurnaya, S. V., Chikina, N. V. (2017). *Lyudiki: voprosy sokhraneniya yazyka i kul'tury: Issledovaniya i materialy*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk. Institut yazyka, literatury i istorii. 167, [2] p.

- Shcherbak, A. P. (2020). 'Kontseptsiya razvitiya bioekonomiki v severnykh regionakh', *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 11 (156), 30–32.
- Suslova, E. D. (2018). 'Ozernoe i rechnoe rybolovstvo v karel'skom prigranich'e vo vtoroi polovine XVIII veka (na primere vodoyemov reki Kamennoi)', *Carelica: nauchnyi elektronnyi zhurnal*, 2 (20). URL: [http://carelica.petsru.ru/CARELiCA_/2_2018_\(20\)/articles.html](http://carelica.petsru.ru/CARELiCA_/2_2018_(20)/articles.html)
- Tan, Chee-Beng, Ding, Yuling (2008). 'Rural Urbanization and Urban Transformation in Quanzhou, Fujian', *Anthropologica*, Vol. 50, 2, 215–227.
- Tikhonova, T., Shik, O. (2008). *Al'ternativnaya zanyatost' v sel'skoi mestnosti Rossii*. Moscow: Institut ekonomiki perekhodnogo perioda, 2008. 224 p. (Institut ekonomiki perekhodnogo perioda. Nauchnye Trudy, No. 114R).